

То, что Псевдо-Мефодий нигде не отражает борьбу трех основных христианских течений — православия, монофиситства и монофелитства — между собой, показывает, что отвлеченные богословские споры были ему чужды и что систематического теологического образования он не получил. Вместе с тем отсутствие в «Откровении» критики какой-либо ереси обеспечило его распространение как в монофиситской, так и в православной среде.

Бог, по представлению Псевдо-Мефодия, не любит исаимлян, но попустил им воевать с христианами в наказание за их (христиан) грехи <sup>41</sup>. Исаимляне представлены в «Откровении» дикими, некультурными кочевниками, а их нашествие свидетельствует, в представлении автора, о последних временах перед концом мира. От них пострадают в равной степени и богатые и бедные.

О том, что к представителям господствующих классов Псевдо-Мефодий не испытывает особых симпатий свидетельствует, тот факт, что истребление исаимлянами ромейской знати (*οἱ δουλοῦνται* <sup>42</sup> — слав. перевод: сѣлники <sup>43</sup>, болѣхъ <sup>44</sup>) представляется ему справедливой карой за истребление последней еврейской знати (имеется в виду подавление римлянами иудейских восстаний в I—II вв. н. э.). Исходя из всего сказанного, мы можем сделать вывод, что «Откровение» Псевдо-Мефодия отражает взгляды широких народных масс Сирии, и, возможно, других византийских областей на начало арабских завоеваний.

<sup>41</sup> Там же, с. 98—101; *Истрин В. М.* Указ. соч., Тексты, с. 27—28.

<sup>42</sup> *Долос А.*, с. 96—97; *Истрин В. М.* Указ. соч., Тексты, с. 27.

<sup>43</sup> *Истрин В. М.* Указ. соч., с. 108.

<sup>44</sup> Там же, с. 93.

М. И ЧЕРНЫШЕВА

## К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА «ХРОНИКИ» ИОАННА МАЛАЛЫ (Роль иноязычных вкраплений)

В современном языкознании сложилась система понятий для обозначения типов иноязычных слов — заимствованные слова, экзотическая лексика, иноязычные вкрапления. Выделяются следующие признаки заимствования: а) графемно-фонетическая передача иноязычного слова средствами заимствующего языка; б) соотнесение его с определенными грамматическими классами и категориями; в) семантическая самостоятельность слова, отсутствие у него дублетных синонимических отношений со словами, существующими в языке-заимствователе; г) для слова литературного языка — употребление его не менее чем в двух разных речевых жанрах, для термина — регулярное употребление в определенной терминологической сфере <sup>1</sup>. Экзотизмы появляются в текстах определенной тематики, а также при описании обрядов, быта, домашней утвари, обычаев, одежды и т. п. того или иного народа, той или иной страны. Употребление иноязычных вкраплений обусловлено степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи <sup>2</sup>.

Лингвисты активно разрабатывают эти понятия на материале современного русского языка <sup>3</sup>. Однако изучение иноязычных слов и в памятниках

<sup>1</sup> *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, с. 42—43.

<sup>2</sup> Там же, с. 47.

<sup>3</sup> *Супрун А. Е.* «Экзотическая» лексика. — Научные доклады высшей школы. Филол. науки, 1958, № 2, с. 51—54; *Леонтьев А. А.* Иноязычные вкрапления в русскую речь. — В кн.: Вопросы культуры речи. М., 1966, вып. 7, с. 60—68.

ранней славянской письменности может оказаться столь же плодотворным. И хотя анализ заимствований в таких произведениях имеет давнюю традицию, однако заимствования и экзотизмы исследователи не расчленяли, а иноязычные вкрапления не выделяли как особое явление. Тем интереснее современному лингвисту попытаться выявить причины появления этого феномена и определить его роль в памятниках раннеславянской письменности. Тогда углубится теоретическая разработка данной проблемы, поскольку включение в тексты иноязычных вкраплений имеет свои истоки и, видимо, определенную традицию, что может выясниться при последовательном изучении этого явления как в раннеславянских переводах, так и в древнерусских оригинальных произведениях.

В свое время В. М. Истрин, а вслед за ним В. Погорелов писали о словах, не имеющих форм словоизменения, т. е. не включенных в славянскую систему склонений, что переводчик, не зная, как перевести то или иное слово, часто просто списывал его букву за буквой славянским шрифтом<sup>4</sup>. Сходные наблюдения приводит Т. А. Иванова в своей статье о морфологической адаптации заимствованной лексики в «Синайском патерике»<sup>5</sup>. Она предлагает на морфологически неадаптированные слова распространить термин Е. М. Верещагина «используемые лексемы», который он вводит при анализе фонетически неадаптированной старославянской лексики<sup>6</sup>. Совершенно иные причины появления лексики, не подчиненной правилам грамматики переводящего языка, приводит А. И. Журавский, анализируя переводные тексты старобелорусской письменности (такую лексику он называет иноязычными вкраплениями): «Иноязычные вкрапления в большинстве своем имеют адекватные соответствия в языке-заимствователе, сохранение их в переводных текстах мотивируется различными соображениями филологического порядка. Вкрапления отражают... отношение к иностранному языку. Они свидетельствуют не только о превосходном владении пишущим иностранным языком, но и о его сознательном стремлении познакомить читателя с элементами чужого языка»<sup>7</sup>.

Сопоставив высказывания разных ученых, замечаем, что термины: «морфологически неадаптированная лексика», «используемые лексемы», «иноязычные вкрапления» — служат для обозначения одного языкового явления. Кроме того, приведенные данные свидетельствуют не только о многообразии оснований для появления интересующего нас феномена в текстах, но и о несовпадении причин его введения в разных памятниках, а потому, по нашему мнению, это явление нужно анализировать на материале одного, а не нескольких произведений.

Из приведенных терминов наиболее удачным считаем термин «иноязычные вкрапления». Давая определение этого понятия, заранее оговоримся, что оно существенно лишь для исследуемого в этой работе материала. Итак, иноязычными вкраплениями мы называем лексемы, несущие следы переводимого языка: передача кириллицей греческого звукового облика, морфологическая неадаптированность (т. е. сохранение греческих падежных окончаний) и семантическая наполненность, свойственная переводимому языку.

<sup>4</sup> Истрин В. М. Рец. на кн.: Фасмер М. Р. Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке. — ЖМНП, т. XXV, 1910, февраль, с. 381; Погорелов В. Формы греческих слов в кирилло-мефодиевском переводе евангелия. — BSl., 1930, т. II, S. 24.

<sup>5</sup> Иванова Т. А. О морфологической адаптации заимствованной лексики в Синайском патерике. — В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1977, 2, с. 6.

<sup>6</sup> Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972, с. 130.

<sup>7</sup> Журавский А. И. Экзотическая лексика и иноязычные вкрапления в старобелорусской письменности. — В кн.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974, с. 141.

Изучение роли иноязычных вкраплений в славянском переводе Хроники Иоанна Малалы <sup>8</sup> интересно уже потому, что этот перевод, сделанный, предположительно в X—XI вв., относится к числу лучших. О качестве его В. М. Истрин писал следующее: «Переводчик, очевидно, хорошо знал греческий язык и хорошо владел славянской речью, поэтому он переводил... не буква за словом, как делали большинство славянских переводчиков, но своими словами, в пересказе, сохраняя, однако, верность смысла, по крайней мере — в большинстве случаев <sup>9</sup>... Язык хроники Иоанна Малалы гораздо выработанее и совершеннее языка хроники Георгия Амартола. Переводчик хроники Малалы владел литературным языком свободно и пользовался им с достаточной правильностью» <sup>10</sup>.

Таким образом, выявление причин введения в этот перевод иноязычных вкраплений и их роли поможет, с одной стороны, понять отношение переводчика к переводимому тексту, а с другой, даст возможность определить отдельные моменты техники и методики раннеславянского перевода, являющиеся показателем его уровня.

Если бы нам пришлось выписать все иноязычные слова из «Хроники», то мы бы столкнулись со странным на первый взгляд явлением: некоторые слова встречаются в переводе как в морфологически адаптированной (т. е. приспособленной к требованиям славянской грамматики), так и в морфологически неадаптированной (т. е. имеющей греческие падежные окончания) форме: ригесъ — рига, риксѡ; секистилиѡсь — мсца <sup>11</sup> сикистиліа; въперверетеѡсь — иперетіа мсца и др. Странным это явление кажется до той поры, пока мы не обратимся к контекстам, где каждая лексема несет особую смысловую нагрузку:

патынадесять днь екостили мсца (VII 27,10) — τοῦ ἐξτελλίου μηνός (184, 21); мсца сикистиліа (VII 28, 6) — μηνὶ ἐξτελλίῳ (186, 3) — ср.: заградивъ има мсца того, да са не наречеть секистилиѡсь (VII 28, 8) — греческий текст не сохранился;

всю днѣ иперетіа мсца (IX 17, 10) — τοῦ ὑπερβρεταίου μηνός (224, 25) — ср.: мсца ѡктабра, иже есть въперверетеѡсь (X 6, 11) — μηνὶ ὀκτωβρίῳ τῷ καὶ ὑπερβρεταίῳ (231, 13).

и ѡдолѣвъ, а того Врина рига (VII 27, 27) — τὸν αὐτὸν Βρήνον ῥήγα (185, 17); исьшедъ иде [должно быть: иди — ἀπέλθε — (примеч. В. М. Истрина)] же къ Зиньзирихѡ Иандалж, риксѡ Африкиисѡ (XIV 18, 30) — πρὸς... τὸν ῥήγα τῆς Ἀφρικῆς (373, 19) — ср.: капище емоу поставиша... Итьмиисцѣи црѣе, сиреч ригесъ (VI 12, 2) — οἱ Ἰταλοὶ καὶ βασιλεῖς, ἦτοι ῥήγες (161, 18); црѣе мѣсть, рекше ригесъ мѣстнѣи кнѣзи (II 473, 1) — οἱ κατὰ τόπον βασιλεῖς, ἦτοι ῥήγες καὶ τοπάρχαι (33, 5—6);

повелѣ жрьцемъ сии Малиѡсь творити трѣбы въ тои февроуарѣи (ἐν τῷ αὐτῷ μηνὶ φεβρουαρίῳ) и повелѣ... повса лѣта того мсца исходаща изгонити же февѡара мсца (τὸν φεβρουάριον τὸν καὶ περίτιον μῆνα) из града біема

<sup>8</sup> Здесь и далее славянский перевод мы называем «Хронойкой», а оригинальный греческий текст — «Хронографией». «Хроника» Иоанна Малалы издана В. М. Истриным в разных сборниках: кн. 1 — Зап. Акад. наук по историко-филолог. отд., т. I, № 3. СПб., 1897; кн. 2 — Летопись ист.-филолог. общ-ва при Новоросс. ун-те (далее: Летопись); т. X. Виз.-слав. отд., т. VII, Одесса, 1902; кн. 4 — Летопись, т. XIII. Виз.-слав. отд., т. VIII. Одесса, 1905; кн. 5 — Летопись, т. XVI. Виз.-слав. отд., т. IX. Одесса, 1910; кн. 6, 7. — Сб. ОРЯС, т. LXXXIX, № 3. СПб., 1911; кн. 8, 9 — Сб. ОРЯС, т. LXXXIX, № 7. СПб., 1912; кн. 10 — Летопись, т. XVII. Одесса, 1913; кн. 11—14 — Сб. ОРЯС, т. XC, № 2. СПб., 1913; кн. 15—18 и приложения — Сб. ОРЯС, т. XCI, № 2. Пг., 1914. Греческий текст, привлекаемый для сопоставления со славянским переводом, издан в Боннском корпусе: *Ioannis Malalae Chronographia*/ Res. L. Dindorf. Bonn, 1831.

<sup>9</sup> См. послесловие к X кн., с. 40.

<sup>10</sup> Там же, с. 43—44.

<sup>11</sup> Выносная буква вносится в строку и выделяется курсивом.

(VII 28, 25—29 — 187, 5—8) — ср.: нарицатиса мѣцю томоу февруариуѣ (VII 28, 21) — ποιήσας λέγεσθαι τὸν αὐτὸν μῆνα ἐξ ἐκείνου Φεβρουάριον (186, 22).

Заметим, что в приведенных примерах фигурируют латинизмы и македонизмы, которые играли роль экзотизмов в «Хронографии», служа для обозначения новых понятий. Об этом же свидетельствуют пояснительные формулы: ὁς καί; ἤτοι (в переводе: рекше, сирѣч, иже есть). Чуткий переводчик сохранил специфику этих слов, выделяя вводимое Малалой новое понятие с помощью своеобразного технического приема — в переводе оставалась морфологически неадаптированная форма, т. е. появлялось иноязычное вкрапление. Таким образом, одно и то же неславянское слово в зависимости от оформления выполняет в «Хронике» разные функции: морфологически адаптированная лексема играет роль экзотизма, неадаптированная — роль иноязычного вкрапления. Следует признать изобретение способа транспонирования экзотизма одним из достижений славянского переводчика, не только понявшего намерения автора, но и сумевшего средствами своего языка передать их.

Интересно отметить несколько случаев личного решения переводчика<sup>12</sup> — не подкрепленное греческим текстом (отсутствие пояснительных формул при новых для греческого языка словах) самостоятельное выделение экзотизмов с помощью того же приема: экзотизмы «Хронографии» (здесь латинизмы) введены в «Хронику» в качестве иноязычных вкраплений:

и оумръшю Кесарю Гаию, избраша боляре Роумстѣи Авгоуста Ёктаоуна... и Антониа... и Лелнида, и быша сие трие триоумъвратересъ (IX 13, 7—10) — καὶ ἐγένοντο οἱ τρεῖς τριομβυράτορες (218, 4);

нарицашеса сие Авгоустъ Кесаръ Ёктаоуиуѣ побѣдникъ чѣстнии дръжавнии филиксъ<sup>13</sup> оуперъаторъ, еже есть самодръжець (IX 17, 22) — Αὐγουστος Καῖσαρ Ὀκταβιανὸς τροπαιοῦχος σεβαστὸς κραταῖος ἱμπεράτωρ, ὅπερ ἐστὶν αὐτοκράτωρ (225, 14—15). В этом примере мы видим оригинальный образец транспонирования экзотизмов: в перечне императорских титулов переведены все греческие слова и, наоборот, оставлены без перевода в своей исходной форме латинские.

Применение описанного приема транспонирования экзотизма характеризуется, помимо прочего, восстановлением греческого номинатива во вкраплении, даже если в переводимом тексте падежная форма иная:

имыи воа своа, иже нарицахуса тогда Моуръмидонесъ (V 6, 4) — ἔχων ἰδίον στρατὸν τῶν λεγόμενων Μουρμιδόνων (97, 20); в приводимых выше цитатах: нарицатиса мѣцю томоу февруариуѣ (VII 28, 21) — ποιήσας λέγεσθαι τὸν αὐτὸν μῆνα ἐξ ἐκείνου Φεβρουάριον (186, 22); мѣсца ѡктабѣра, иже есть въперверетесуѣ (X 6, 11) — μηνὶ ὀκτωβρίῳ τῷ καὶ ὑπερβερειτίῳ (231, 13).

Другим приемом, используемым для передачи названий, прозвищ, обращений и т. п., является лексическое варьирование: иноязычное вкрапление — его эквивалент или пояснение. Таким приемом переводчик оперировал в одном контекстуальном отрывке, так что читатель узнавал и греческое название реалии, эпитет исторического персонажа и т. п., и славянский семантический дублет:

нарекоша и Афинеи дифоуи (IV 355, 23) — αὐτὸν οἱ Ἀθηναῖοι εἶπαν διφυῆ (71, 22) — ср. выше: сугоуба и нарицаху (IV 354, 25) — διφυῆ αὐτὸν ἐκάλουν (70, 17);

капищо Есторово драпетисъ нарицатеса (V 36, 9) — ἥτις στήλη τοῦ Ὁρέστου ὁ δραπέτης καλεῖται (142, 17—18) — ср. выше: Соуру же смотрешу

<sup>12</sup> Термин «личностное решение» идентичен термину «персональное решение», который был выбран из этих двух вариантов Е. М. Верецагиным в его исследовании. См.: Верецагин Е. М. Указ. соч., с. 87—88.

<sup>13</sup> Известно, что славянский перевод местами отражает иную, более полную редакцию греческого текста. Приведенный пример лишний раз это доказывает.

капица ωбразъ Арестовъ... прозваша и бегунъ (V 36, 4) — οἱ δὲ Σύραι προσ-  
εσχρηκότες τὸ σχῆμα τῆς στήλης τοῦ Ὁρέστου... ἐπεκάλεσαν αὐτὸν δραπέτην (142,  
8—11);

по црстви же Костантиа црствова Оулианъ Паравать (XIII 5, 2) —  
... ἐβασίλευσεν Ἰουλιανὸς ὁ παραβάτης (326, 14) — ср. ниже: по црствѣ же  
Оульанна законопрестѣпника (XIII 8, 22—23) — μετὰ δὲ τῇ βασιλείᾳ Ἰου-  
λιανοῦ τοῦ παραβάτου (334, 13).

Интересен пример, в котором пояснение относится к слову, ставшему  
редким или малопонятным для греческого языка того времени, — в пере-  
воде оно выделено введением иноязычного вкрапления:

повѣжь ми, лживый [в Погодинском списке: неложный] боже, Пирис-  
фоне, рекше сльце<sup>14</sup> (II 466, 6) — φράσον μοι, πιστοθένης, ἀψευδές... (25, 3).

Следует заметить, что в «Хронике» встречаются и нарушения исполь-  
зования описанных приемов — в этом тоже заключается своя особенность  
раннеславянского перевода, отражающего этап формирования перевод-  
ческой техники и методики. Так, в некоторых местах вместо ожидаемых  
иноязычных вкраплений, вводимых в перевод для передачи латинизма,  
сопровождающегося пояснением, находим морфологически адаптирован-  
ные формы:

мсца аоудунеа еже есть геноуаріи (X 8, 11—12) — μὴνὶ αὐθιγαίῳ τῷ καὶ  
ἰανουαρίῳ (236, 10—11); мсца достра, иже есть мартъ (X 12, 4) — μὴνὶ δούτρῳ  
τῷ καὶ μαρτίῳ (240, 7). В другом примере также нарушен четко применяе-  
мый переводчиком прием: часть эпитетов богов дана как иноязычные  
вкрапления, часть получила славянские эквиваленты:

в него ж книгахъ [Манефона] инако глѣють имена пать преходниѣхъ  
свѣсдѣ нарицаемаго Крона прозва лампонта [в рукописи: ампонта] (τὸν  
λάμποντα), а Дыа фаефонта (τὸν φαέθοντα), а Арѣа поуроа (τὸν πυρώδη),  
а Афродитъ предобраго (τὸν κάλλιστον), а Ермію блещагос (τὸν στίλβοντα)  
(II 466, 13—16 — 25, 14—16).

Наконец, в «Хронике» встречаются редчайшие случаи ненайденного  
решения — явления, характерного для многих раннеславянских переводов.  
Буква за буквой переводчик переписывал кириллицей непонятное для него  
слово, восстанавливая номинатив и нарушая тем самым грамматические  
связи в предложении:

повѣда емѣ, кто прииде на поновление, в санѣ скипиуиѣ оупатьскыа  
ωт пра сего взиамше (XV 7, 4—5) — τοὺς σκηπίονας δὲ τῶν ὑπάτων ἐπὶ τοῦ  
βασίλεως αὐτοῦ ἐλάμβανεν (384, 3—4); дасть же [Юстиниан] вѣ оупатию в ше-  
стѣю епинемись (XVIII 26, 6) — δέδωκεν ὑπατείαν τῇ ἑκτῇ ἐπινεμήσει (426,  
21—22) — ср.: в другом месте переводчик попытался подогнать это слово  
под требования славянской грамматики: и прѣидоша вѣ градъ книги вѣ ѿ.  
артемисиа, маа мсца, вѣ настоящую епинемисию [в Чудовском и Синодаль-  
ном списках: епинимисію] (IX 12, 9—10) — τῆς μετὰ ταῦτα ἐπινεμήσεως  
(216, 11—12).

Таким образом, исследование показало творческую работу перевод-  
чика с текстом. Неоднозначна роль, разнообразны причины появления  
иноязычных вкраплений, введение которых в «Хронику» потребовало  
создания специальных приемов. Главным образом переводчик использует  
вкрапления для выделения отдельных слов — названий, прозвищ, обра-  
щений и т. п., сохраняя в передаче кириллицей греческий падеж, а если  
необходимо, восстанавливая, грамматическую форму греческого номи-  
натива. В некоторых контекстах вкрапления были способом транспони-  
рования экзотизма из языка оригинала в язык перевода. Передача экзо-

<sup>14</sup> Отсутствие соответствующих слов в греческом тексте определено изложенной выше причиной.

тизма иноязычным вкраплением стала своеобразным переводческим приемом. Усвоив его, переводчик распространил действие этого приема на слова, которые он сам считал экзотизмами для греческого языка, хотя в оригинале при них отсутствовали пояснительные формулы. Мы назвали такие случаи «личностным решением переводчика». Другой прием, используемый в «Хронике» с той же целью (выделение отдельных слов), — лексическое варьирование: иноязычное вкрапление — его славянский семантический дублет (будь то эквивалент или семантически приближенное к нему пояснение). С помощью этого приема переводчик знакомил читателя и с греческим словом, и с его значением. Создание описанных методов служит показателем высокого уровня славянского перевода «Хроники», некоторая же непоследовательность в их применении отражает этап складывания техники и методики раннеславянского перевода.

Сравнение причин появления и роли в контекстах иноязычных вкраплений в других раннеславянских переводах могло бы привести к интересным и важным выводам о характере работы славянских переводчиков, об особенностях переводческих школ — это с одной стороны, с другой — данные об историческом развитии этого языкового феномена создали бы предпосылки для углубленной теоретической разработки вопроса. Проблемы эти ждут своих исследователей.